

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМ -МАК И -МА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ОСМАНСКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI–XVII ВВ.

GRAMMATICAL ANALYSIS OF MASDARS WITH INDICATORS -MAK AND -MA IN OTTOMAN LITERARY MONUMENTS OF THE XVI – XVII CENTURIES

*M. Dubrovina
A. Pylev*

Summary: The article attempts to trace in a diachronic perspective the speech situations of two verbal-nominal forms with indicators -mak and -ma that are important for the modern Turkish language. The analysis is carried out on the material of two literary monuments of the Ottoman language, which is the predecessor of Turkish. The study showed that the form -mak is no longer used with possessive affixes and the genitive case, but everything can also be used in other case forms, it is also combined with postpositions and used with the words gerek (girek), lazim. Another substantive form -ma has not yet taken over the functions lost by the form -mak, as in modern Turkish.

Keywords: Ottoman language, Turkic languages, masdar, infinitive, grammar of Turkic languages, verbal names.

Дубровина Маргарита Эмильевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
maggydu@rambler.ru

Пылев Алексей Игоревич

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
pylev_aleksey@mail.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка проследить речевые ситуации употребления двух важных для строя современного турецкого языка глагольно-именных форм с показателями -mak и -ma в диахронической перспективе. Анализ проводится на материале двух литературных памятников османского языка, который является предшественником турецкого. Исследование показало, что форма -mak перестала употребляться с аффиксами принадлежности и родительного падежа, но все также способна употребляться в других падежных формах, также она сочетается с послелогами и употребляется со словами gerek (girek), lazim. Другая форма -ma пока еще не взяла на себя утраченных формой -mak функций и не стала основной субстантивной формой, как в современном турецком языке.

Ключевые слова: османский язык, тюркские языки, масдар, инфинитив, грамматика тюркских языков, глагольные имена.

В современном турецком языке выделяется категория форм – глагольных имен (масдаров), значение и употребление которых вызывает большие трудности и у лингвистов, и у изучающих этот язык людей. Многие годы в тюркском языкознании ушли на то, чтобы выявить и сформулировать значения этих форм. В задачу настоящего исследования положен поиск общего языкового значения, а также анализ частных употреблений глагольно-именных форм с показателями -mak и -ma в памятниках среднеосманского языка.

Актуальность работы трудно переоценить. Можно констатировать, что в тюркском языкознании литературные произведения, созданные на территории османского государства в период XVI–XVII вв., практически не подвергались каким-либо грамматическим изысканиям. Ни сам язык памятников, ни отдельные морфологические формы или синтаксические конструкции не становились предметом отдельного изучения с лингвистической точки зрения. В учебной или учебно-методической литературе можно встретить образцы письменного языка разных периодов истории османского языка. Так, в «Учебном пособии по османско-турецкому языку», вышедшем в издательстве МГУ в 1988 г., Э.А. Грунина приводит отрывки (извлечения) произведений различных временных периодов османского языка [1]. Помимо

чего, после каждого литературного образца исследователь дает некоторые слова и формы с краткими орфографическими, лексическими и фразеологическими комментариями. В качестве отдельного раздела пособия Э.А. Грунина предлагает краткие грамматические комментарии, но только арабских и персидских заимствований в османском языке. Собственно тюркским формам в пособии отдельного внимания не уделено. В известной хрестоматии В.Д. Смирнова «Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках» (1903 г.) [6] также дается большое количество фрагментов различных произведений на османском языке, но с языковой точки зрения они не рассматриваются.

Говоря об османском языке, необходимо понимать, что этот язык сам по себе составляет одну из ступеней исторического развития современного турецкого языка. Исследователи истории турецкого языка выделяют три больших периода: 1) староанатолийско-тюркский язык (староосманский) (XI–XV вв.), 2) османский язык (XVI–XX вв.), 3) современный турецкий язык (начало XX в. – по наше время).

Предшественником османского языка представляется староосманский или староанатолийско-тюркский язык (язык огузо-сельджукских тюркских племен, ко-

торые жили в Средней Азии, но в X в. были вытеснены оттуда иными тюркскими племенами – уйгурами). А в его основу, как предполагается, лег более ранний язык – западносельджукский (западноогузский) язык XI–XIII вв. [7, с. 84–86]. Однако современная наука не располагает письменными источниками на этом языке, поэтому ученые лишь выделяют его в качестве отдельного этапа языкового развития, повлиявшего на более поздний вариант тюркского языка этого региона. По мнению некоторых исследователей, староанатолийско-тюркский язык сформировался к XI–XII вв., когда огузские племена из Средней Азии окончательно переселились в Малую Азию; в языковом плане этот язык соединил язык огузов Средней Азии и язык смешанного тюркского населения Анатолии [5, с. 11]. Произведений этого раннего периода не сохранилось, вследствие чего в научный оборот староанатолийско-тюркский язык вошел своими более поздними памятниками – стихотворными литературными произведениями тюркоязычных поэтов, живших на территории Малой Азии в XIII–XIV вв. [2, с. 4].

Собственно османский литературный язык начал складываться на рубеже XV–XVI вв. Внутри османского языка также можно выделить несколько значимых этапов. К раннеосманскому периоду относятся произведения с конца XIV до конца XV вв. Среди самых известных – это сочинение по истории династии Османов (вторая половина XIV в.), ранняя хроника «Джихханнюма» («Зерцало мира») при бл. 1493 г.

Далее следует среднеосманский период, временные рамки которого традиционно определяют началом XVI в. – первой половиной XVIII в. При изучении памятников этого периода в истории османского языка специалисты отмечают некоторые общие моменты. Во-первых, можно говорить о том, что, несмотря на некоторую искусственность, османский язык все-таки начинает складываться как язык, но прежде всего как язык высокого стиля общения, и темы, становящиеся содержанием этого языка, – это исторические события и портреты, философские и религиозные размышления, образцы сложной духовной литературы. Во-вторых, необходимо заметить, что каждое конкретное произведение, входящее во временные рамки этого исторического этапа, может демонстрировать собственные речевые особенности в силу различной этнической принадлежности авторов этих произведений. В-третьих, в синхронии среднеосманского языка не только в лексике, но также и в области морфологии и синтаксиса исконно тюркские модели и формы начинают отходить на второй план, количество их употреблений в речи существенно сокращается под влиянием увеличения использования семантически близких арабских и персидских синтаксических и морфологических форм.

По положению, высказанному Ю. Неметом и ставшему в тюркологии традиционным, арабо-персидские

элементы в османском языке образуют резко обособленный слой, функционирующий на всех уровнях по особым правилам, не так как тюркские слова и формы. Кроме того, ученым было очень справедливо замечено, что носители языка того времени обращались с этими арабо-персидскими элементами (лексикой, особыми морфологическими формами и синтаксическими оборотами) как со средствами иностранного языка, что позволило говорить о наличии в османском языке «двойной языковой системы» [цит. по: 3, с. 14]. Это подтверждается и исследовательской практикой. Складывается ощущение, что османский язык ранних этапов развития представляет собой сложное образование, составленное из элементов разных языков, которые сосуществуют, но едва ли соединяются в единую систему. Особый статус арабо-персидских слов и форм в языке XVI–XVII в. объясняется традицией, сложившейся еще в староосманское время. С самого раннего времени пребывания тюрок на территории Малой Азии персидский и арабский языки играли исключительную роль в их жизни. В государстве Великий Сельджукидов литературным языком был персидский. Его использовала администрация, на нем писались литературные сочинения. Во многих же отраслях науки и юриспруденции основным языком признавался арабский. После завоевания территории Малой Азии ситуация мало изменилась. Добавился лишь еще один немаловажный фактор – началось распространение ислама, вследствие чего язык Корана, арабский, приобретает статус языка религиозного общения между мусульманами. Таким образом, вплоть до XX в. османский язык содержал не менее 50 % нетюркских элементов на всех языковых уровнях.

В качестве источников для изучения того, как употреблялись формы глагольных имен с показателями -так и -та, были выбраны произведения, относящиеся к XVI и к XVII вв. Первым произведением является трактат XVI в., посвященный суфийскому учению Ахмада Йасави, под названием «Cevâhirü'l -Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr» [8]; вторым – извлечения из объемного текста Тарих-и Наима, относящегося соответственно к XVII в. [9]. Выбор произведений обуславливается следующими соображениями. Во-первых, эти литературные сочинения представляют собой тексты большого объема, что позволяет исследователям произвести анализ большого количества употреблений интересующих форм, проследить зону их функционирования на большом фактическом материале. Во-вторых, произведения были созданы с интервалом в сто лет, что дает возможность проследить диахронические изменения изучаемых форм в рамках среднеосманского периода. В-третьих, выбранные источники входят в золотой фонд османского письменного наследия, были созданы на высоком уровне и демонстрируют, таким образом, хорошее владение авторами османским языком. Последнее позволяет быть уверенными в том, что употребление форм соответствует языковым нормам того

времени и не выглядит искусственно или неправильно с грамматической точки зрения.

Исследуемые формы уже становились предметом изучения одного из авторов настоящего сообщения [4, с. 17–30]. В ходе предшествующих исследований грамматического и семантического употребления рассматриваемых форм были сделаны следующие выводы.

1. Исследуемые формы впервые появляются в памятниках древнеуйгурского письма.
 2. В древнеуйгурском языке употреблялась только форма *-maq*, следовательно, турецкая форма *-mak* исторически возникла раньше, чем форма *-ma*.
 3. В древнеуйгурских текстах форма *-maq* была способна употребляться с аффиксами падежей и выступать в качестве любого члена предложения.
 4. В староанатолийско-тюркском языке появляется вторая субстантивная форма с показателем *-ma*, но используется еще очень редко. Основным грамматическим средством остается форма *-mak*.
 5. В староанатолийско-тюркских текстах показатель *-mak* активно употреблялся в формах различных падежей, в том числе и в родительном, а также в формах категории принадлежности.
 6. В трактате XVI в. «*Cevâhirü'l -Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr*» отмечается все то же положение дел, что и в предыдущую эпоху – явное преобладание в употреблении формы с показателем *-mak*. В тексте этого литературного произведения эта форма продолжает нести основную нагрузку по представлению действия в субстантивном виде. Тем не менее, частотность ее употребления явно стала меньше, чем в староанатолийско-тюркском языке. Фактический материал показывает, что форма *-mak* перестала употребляться как с аффиксами принадлежности, так и с показателем родительного падежа, но все также способна употребляться в других падежных формах, выступая в высказывании в позиции прямого и косвенного дополнения.
 7. ... *kütüb yazmağa* izn verdiler. (s. 109) '... дозволили **писать** книги'.
 8. ... marifetu'llah **söylemeğe** izn vermemek gerek. (s. 28) '... нужно не позволять **говорить**, что сокровенное знание исходит лишь о Аллаха'.
- Необходимо обратить внимание, что в аналогичных случаях в современном турецком языке используется форма *-ma* с показателем принадлежности.
9. Evliyâullah zümresinden **olmağa** niyyet-i mütevali girek. (s. 6) 'Намерение **стать** одним из праведников, живущих в соответствие с предписаниями Аллаха, должно быть непрекращающимся'.
 10. ... ve helak **itmek** ister (s. 23) '... желает **изничтожить**...'
 11. ... ihya-i mülk-i batın için nefis-i mekkare-i emmare(yi) **öldürmekde** olur... (s. 28) '...он постоянно смиряет позы своей плотской, животной сущности для

воскрешения своего внутреннего богатства' (букв. находится **в состоянии уничтожения**).

Также исследуемая форма сочетается с послелогоми и употребляется в конструкциях со словами *gerek* (*girek*), *lazım*.

12. ... iman **bilmek için**. (s. 20) '...чтобы познать веру'.
13. ... tefevvuk ve tekaddüm **virmemek gerek**. (s. 69) '... не следует **отдавать** превосходство и преимущество кому-либо'.
14. ... ve hirasın **olmak lazım**... (s. 70) '...должно быть опасаящимся...'

Также исследуемая форма способна сочетаться с послелогоми, в частности с послелогом *ile*. Анализируя ситуации их употреблений, можно заключить, что уже в этом произведении такие сочетания начинают обособляться в отдельную категорию, приобретая статус обстоятельственных конструкций. Подобный вывод обусловлен тем, что у этих конструкций наличествует самостоятельная семантика – они становятся средствами передачи обстоятельственных значений. С позиций функционально-семантического подхода такие факты указывают на выделение этих форм из категории субстантивных именных форм глагола в категорию обстоятельственных форм глагола (деепричастий).

15. ... Yeseviyye mezheblerine şifte **olmak ile**... (s. 6) '... будучи увлеченным учением Йасави'.

В памятнике «*Cevâhirü'l -Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr*» конструкция *-mak ile* в основном имеет значение обстоятельства образа действия.

Во втором произведении среднеосманского языка, сочинении XVII в. Тарих-и Наима, также зарегистрировано употребление двух исследуемых имен действий. Форма с показателем *-mak* в тексте этого произведения может употребляться, как совсем без аффиксов, так и с показателями падежей. В нижеприведенных примерах видно, что эта форма довольно многофункциональна. Она употребляется в позиции подлежащего, указывая, что в предложении факт совершения действия (делание чего-то) является значимым.

16. Yohsa bunun çaresi **görölmek** emr-i seheldir. 'Но всё же **увидеть** выход из этого – лёгкое дело'.

Интересно, что в отличие от современного турецкого языка, даже в случае, когда «опредмеченное» действие имеет своего производителя, который выражен самостоятельным существительным, продолжает употребляться форма **без показателя** принадлежности, хотя наличие показателя принадлежности было бы логичнее.

17. Bu ga'ile bertaraf olmadıkça cem'iyetimiz münhal **olmak** muhaldir. (s. 65) 'Пока эти трудности не будут разрешены, наше собрание не может быть распущено.' (букв. наше собрание распущенным быть не может / роспуск нашего собрания невозможен / нашему собранию распуститься невозможно).

Необходимо обратить внимание на интересный факт, который реализуется в следующем высказывании. Здесь однородные подлежащие передаются чистой формой

-так и формой -та с аффиксом принадлежности. Однако передаваемые этими формами грамматические смыслы явно тождественны, при том, что выражаемые ими действия имеют своих производителей, но аффикс принадлежности возникает лишь один раз. Возможно, это связано с тем, что у однородных форм аффикс принадлежности использовался только один раз у последней, а возможно с тем, что особой разницы в тот период между формами -так и -та создатели текста еще не ощущали. Стоит отметить, что в этом высказывании встречается сочетание -так и послелога ile, но в данном случае необходимо говорить о свободном сочетании, которое не передает обстоятельственной семантики, а интерпретируется как «вместе с ..., наряду с...». Тем не менее, и в этот период появившаяся ранее обстоятельственная форма -takla также употребляется и имеет обстоятельственное значение причины (пример 19). Также форма -так употребляется в позиции косвенного дополнения с аффиксом дательного падежа, в этом случае для выражения семы «для того, чтобы».

18. Bundan ma'ada Sultan İbrahim'in tali-i cüluslerinde zenib didikleri 'ukde-i menhuse-i 'aşirde **bulunmak**, daima hareketleri kendü devletine muzırr **olmak** ve 'Utarid ki sahib-i tali' ve 'aşirdir hamiste ve raci' **bulunması** umurunda 'aciz ve hayran ve daima 'aşk-i heva ve ibtilaya şitaban **olmağla** saltanata ve vücuduna muzırr olan ahvale bi-t-tabii ma'il **olmağa** delalet etmiş idi (С. 64). 'Помимо этого, **то**, что хвост кометы при расположении звёзд во время восшествия на престол Султана Ибрагима **находился** в злополучном десятом узле (орбиты) и **то, что** его действия **вредили** его собственному правлению, а также то, что Меркурий, будучи хозяином его гороскопа и (обычно) десятым, **находился** в пятом (узле) и восходил: всё это, наряду с тем, что в делах своих он (султан) был слабым и смятенным и постоянно стремящимся к легкомысленной любви и страстным увлечениям, явилось доказательством **того, что** (он) был естественно (по своему естеству) **склонен попадать** в положение, вредящее султанату и его (султаната) существованию'.

19. Behayî Efendi ile Mahmud Efendi yalida **bulunmalarıyla...** (С. 66) 'Поскольку Бегайи-эфенди и Мах-

муд-эфенди **были** на дачах (своих загородных усадьбах) ...'

Форма с показателем -так в языке этого памятника способна присоединять аффикс родительного падежа, однако в отличие от предшествующих периодов это сочетание стало обстоятельственным, перейдя в отдельную категорию, оно передает значение обстоятельства причины.

20. Murad Ağa cümlesinden cesur **olmağın** onun başına cem' olup bu ga'ilenin def'i babında 'ahd ve misak ettiler (с. 65). 'Поскольку Мурад Ага **был** храбрее их всех, они собрались вокруг него и заключили общий договор по поводу устранения этого затруднения'.

Уже в результате начальных исследований зон употребления форм в произведениях среднеосманского периода можно сделать некоторые предварительные выводы.

1. Форма с показателем -так продолжает активно использоваться в письменной речи и продолжает нести основную нагрузку по представлению действия в предметном образе. В отличие от современного турецкого языка эта форма употребляется не только в тех случаях, когда речь идет о максимально отвлеченном действии, т. е. когда производитель действия отсутствует по причине неизвестности или обобщенности. Даже в высказываниях, где имеется слово, выражающее деятеля, соотносимого с исходным действием, может употребляться форма без показателя принадлежности, соответственно форма -так.
2. Форма с показателем -та, в свою очередь, еще не получает определенной зоны функционирования. Ее употребление в языке этого периода не имеет строгих критериев, правила ее использования, очевидно, еще не регламентированы. Она продолжает существовать в системе языка, но не представляет собой продуктивной и производительной формы.
3. И форма с показателем -так и форма с показателем -та довольно часто становятся базой для образования новых грамматических форм и конструкций с обстоятельственными значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грунина Э.А. Учебное пособие по османско-турецкому языку. М.: Издательство МГУ, 1988. 176 с.
2. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. 144 с.
3. Гузев В.Г. Староосманский язык. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1979. 95 с.
4. Дубровина М.Е. Об эволюции значений турецких глагольных имен действий с показателями -та и -так // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 6. Череповец, 2023. С 17–30.
5. Касевич В.Б., Аврутина А.С. Грамматическая и статистическая структура текста на агглютинативном языке в исторической перспективе (на материале староосманских и турецких текстов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 11.
6. Смирнов В.Д. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках / Выбрал и издал В. Д. Смирнов. Санкт-Петербург: Типо-лито-

- графия И. Бораганского и К°, 1903. XXVI с., 492 с. старо-араб. паг.
7. Doerfer G. Das Vorosmanische (die Entwicklung der oghusischen Sprachen von den Orchoninschriften bis zu Sultan Veled) / Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Bellekten. 1975-1976. Ankara, 1976. S. 84-86.
 8. Hazini. Cevâhirü'l -Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr. (Yesevî Menakıbnamesi). Doç.Dr. Cihan Okuyucu. Kayseri: Erciyes Üniversitesi matbaası, 1995. 219 s.
 9. Mustafa Efendi Na'ima. Tarih-i Na'ima. // Смирнов В.Д. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках / Выбрал и издал В.Д. Смирнов. Санкт-Петербург: Типо-литография И. Бораганского и К°, 1903. S. 60-78.

© Дубровина Маргарита Эмильевна (maggydu@rambler.ru), Пылев Алексей Игоревич (pylev_aleksey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»